

Подземный клуб взрывался от восторга. Оглушительный рёв и восторженные крики, казалось, вот-вот проломают бетонный потолок.

Толпа хлынула на ринг, подхватила сегодняшнего триумфатора на руки и принялась с гиканьем раскачивать его в воздухе.

— Сун Сяоцзэ! Сун Сяоцзэ! Сун Сяоцзэ!

Стоя на руках у беснующейся публики, Нин Си победно ударил себя кулаком в грудь и с улыбкой выбросил пальцы в знаке «V».

Внизу, среди толпы, Сун Ицзэ сокрушённо потёр переносицу. Голова у него раскалывалась.

«Так, стоп. Какого черта вообще происходит? Нин Си умеет драться? Да не просто умеет — он дерётся как чертов профессионал! Нин Си... он...»

— Эй, красавчик~ — К Сун Ицзэ подплыла девушка в костюме зайки и, похлопав его по плечу, кивнула на сияющий кубок. — Не выручишь? Отнеси кубок нашему чемпиону.

Сун Ицзэ смерил холодным взглядом золотую позолоту и без колебаний отрезал:

— Нет.

«Подняться туда сейчас? Ну уж нет, исключено.»

— Ой, ну что за упрямство? Сам босс велел тебе вручить~ — Девушка кокетливо покачала бёдрами, с хитринкой улыбаясь. — Ну и ладно! Не хочешь — я сама схожу. Как раз поближе разгляжу нашего MVP. У него такое милое личико...

Не успела она договорить, как кубок выскользнул из её рук.

— Я сам, — отрезал Сун Ицзэ. Его голос звучал так морозно и неприступно, что у любого отпало бы желание спорить.

— Охо-хо~ Да ты у нас, оказывается, тот ещё скрытник! — Девушке явно нравился такой тип парней. — Ты там присмотришь к малышу-чемпиону, а? Неужели у него и правда такая гладкая кожа~

Не давая ей закончить свои жеманные па, Сун Ицзэ с мрачным лицом развернулся и шагнул к ликующей толпе.

Подвешенные над рингом прожекторы заливали сцену ярким светом. Почти все присутствующие были крепкими, мускулистыми мужиками, и на их фоне изящная фигура Нин Си выглядела до странности инородно.

Сун Ицзэ раздражённо цыкнул.

«Куда они тянут свои руки? С каких пор к Омеге можно вот так безнаказанно прикасаться? Они что, совсем не чувствуют на нём метку Альфы?»

В груди kloкотала глухая досада. Сун Ицзэ решительно не понимал, как теперь смотреть Нин Си в глаза. Первой мыслью было сунуть кубок кому-нибудь из толпы, чтобы передали наверх, а самому сбежать на свежий воздух и проветрить голову.

— Эй! Судья кубок несёт! — загласил кто-то в толпе, заметив Сун Ицзэ с наградой в руках.

Взбудораженным фанатам только дай повод — их подхватили десятки глоток.

Внимание всего зала мгновенно переключилось на него.

Включая Нин Си, сиявшего в самом центре ринга.

Сун Ицзэ вздрогнул, когда их взгляды пересеклись. На нём была маска, но паника всё равно накрыла с головой. Не долго думая, он сходу вскинул кубок, закрывая им лицо.

— Дорогу рефери!

— Качайте судью к рингу!

— Награждение! Награждение!

Возбуждённая толпа буквально подхватила его и с гиканьем потащила вперёд, к платформе.

Понимая, что через секунду окажется нос к носу с Нин Си, Сун Ицзэ отчаялся. Он резко поднял кубок над головой и что есть силы швырнул его назад, через плечо.

Толпа: «...»

Нин Си: «...»

Золотая чаша полетела над головами. К счастью, кто-то из зрителей проявил феноменальную

реакцию и ловко цапнул её в воздухе.

— Мать твою! Ты че творишь, полосатый?! — Здоровяк, поймавший кубок, громко выругался и принялся судорожно осматривать награду на предмет вмятин. Убедившись, что всё цело, он облегчённо выдохнул.

— Да вообще, сумасшедший!

— Кто так с кубками обращается?!

— Совсем крыша поехала!

— Ладно, цел — и хрен с ним! Передавайте чемпиону!

Народ мгновенно забыл о странном поступке рефери и снова зашелся в экстазе. Лишь пара внимательных глаз отметили, что сам судья к этому моменту уже испарился без следа.

Нин Си отдал кубок Цзэн Ту и вежливо отказался от праздничной выпивки. В раздевалке он принял душ, переоделся, привычно обработал свежие синяки мазью и кое-как замотал их бинтами. Накинув рюкзак, он покинул клуб.

Часы показывали половину четвёртого утра.

По застывшим в безмолвии улицам Нин Си брёл совершенно один. Тусклые фонари тщетно пытались пробить густую ночную тьму, но город словно утонул в тяжелом, непроглядном мраке.

Окончательно выбившись из сил, он опустился на одинокую скамейку у обочины и закинул голову, уставившись на бледный диск луны.

«И куда мне теперь?..»

Нин Си не знал.

Прошло столько времени, и ему казалось, что он освоился, прижился в этом мире... Но в конечном счёте у него всё так же не было места, которое он мог бы назвать домом.

Он достал телефон. Аппарат пролежал выключенным целый день. Нин Си думал, что экран мгновенно запестрит уведомлениями, но встретил его тишиной — такой же глухой, как эта

безлюдная ночь.

Лишь один номер — без имени и аватарки — упрямо штамповал одно сообщение за другим.

"Где тебя носит?"

"Дворецкий говорит, ты не ночевал дома."

"Забил на школу? Мы и так ничего от тебя не ждем, но ты хоть каплю разума имей."

"Завтра мы улетаем по делам в Париж. Нам некогда с тобой нянчиться."

Нин Си молча пролистывал входящие от отца этого тела.

"Опять где-то шляешься?"

"Живо домой."

"Ты слышишь меня?"

"Нин Си, почему ты такой непослушный?"

«Почему ты никогда не слушаешься?..»

Пальцы сжали корпус телефона так, что побелели костяшки. Нин Си невольно сжал зубы.

Выплеснуть боль на ринге не вышло. Внутри по-прежнему всё горело и сжималось в тугий узел.

Он провел ладонью по лицу. В памяти снова всплыло то самое лицо, которое он увидел в квартире позапрошлой ночью.

Он знал. Прекрасно знал, что это не может быть один и тот же человек. Но почему... почему они похожи как две капли воды?

Почему именно это лицо?

Стоило заново увидеть его, как нахлынул липкий, парализующий страх. Стоило вспомнить — и перед глазами вставала непроглядная тьма. Проливной дождь, застланный пеленой взор, оглушительный вой полицейских сирен и слепящий, режущий глаза свет фар из угла улицы.

Вокруг ничего не разглядеть. Только шершавый, впивающийся в кожу асфальт, сырой воздух, бесконечная дождевая хлюпающая муть, чьи-то дикие крики и... алая кровь, медленно подступающая к нему со всех сторон.

Чуть дальше на земле лежала женщина.

Её растрёпанные волосы намокли и спутанными прядями прилипли к лицу и асфальту. Одежда насквозь промокла, превратившись в грязевое месиво. Она лежала неподвижно.

Но вокруг было слишком темно.

Слишком темно, чтобы понять: вокруг неё расплывается лужа дождевой воды или её собственная кровь.

Слишком темно, чтобы разглядеть, бросила ли она на него перед смертью последний взгляд — полный разочарования и тоски, — прежде чем навсегда уйти.

Кажется, она умерла.

Она точно умерла.

Нин Си пробрала мелкая дрожь. Даже душный летний воздух не мог прогнать ледяной холод, сковавший грудь.

Он снова открыл мессенджер и перешёл в чат с Сун Ицзэ.

Одно сообщение.

Два.

Три.

Никакого ответа.

Вчера вечером Нин Си убежал на набережную и всю ночь просидел у воды, отрешённо уставившись в темноту.

Ему отчаянно хотелось, чтобы кто-то оказался рядом. И одновременно он до смерти боялся, что его найдут.

Он снова сбежал без предупреждения, без единого слова.

И ничего не мог с собой поделаться.

Потому что ему было до ужаса страшно.

И всё же он отправил Сун Ицзэ геолокацию. Втайне надеялся: вдруг тот приедет?

Но Сун Ицзэ не пришёл.

Ночная тишина давила на уши, раздувая вытащенные из глубин памяти кошмары.

Нин Си с болезненной чёткостью осознал: в этом мире он никто. Залётная душа, занимающая чужую оболочку. С какой стати главному герою этой книги жалеть его?

Может, оно и к лучшему.

Он ведь всё равно не смог бы исповедаться. Ему просто нужен был кто-то рядом. Хоть кто-то, чтобы перекинуться парой слов.

Просто ситуация выходила неловкой. Сколько теперь понадобится времени, чтобы снова взять себя в руки?

У него был лишь один проверенный способ — попытаться всё забыть.

Его терзал страх. Терзало чувство вины.

В голове снова и снова, глухим эхом, отдавались слова Нин Кайвэя, сказанные когда-то очень, очень давно.

Он обязан жить.

Потому что она — умерла.

Спортивный праздник в Первой старшей школе Синьчан подошёл к концу.

Два дня соревнований вышли насыщенными. Седьмой класс третьего года старшей школы

вырвал первое место в общекомандном зачёте, за что Старик Го пообещал убойный пир с шашлыками.

— Всё, народ, собираемся! — ликовал староста, по секрету делясь подробностями: — Главная новость: Старик Го с нами не пойдёт! Так что гуляем по полной!!

— Ха-ха-ха! Го проставляет шашлык и сам не идёт, вот это номер!

— Да ладно вам, он просто понимает, что при нем мы будем стесняться!

— Ага, или просто дома жена строгая, ни выпить, ни мяса поесть не даёт!

— Ну вы и язвы!

Ху Янцай наблюдал за всеобщим весельем, но заметил, что Нин Си сидит на задней парте сам не свой и молча смотрит в одну точку.

— Одноклассник Нин, ты ведь с нами?

— А? — Нин Си вздрогнул от голоса учебного комиссара и поджал губы. — О чём ты?

— Ну о банкете! Мы же взяли первое место, — пояснил Ху Янцай. — Старик Го угощает. Потусуемся перед тем, как погрузиться в старшекласническое адово пекло.

— А... — Нин Си не очень хотелось идти, да и настроения праздновать не было, но отказываться выглядело совсем уж некрасиво.

— Там, наверное, опять начнётся месиво с выпивкой. Если не пьёшь, можем уйти пораньше...

— Нет, всё в порядке, — перебил его Нин Си, едва услышав про алкоголь. — Я буду.

— Отлично! Мы скинем адрес в чат!

Третий день отвели под выставку в честь годовщины школы, куда ученики могли пригласить родителей.

У Юй Цзиньюэ на этот день выпала срочная операция, а Сун Чэнцзя уехал с лекциями в другой город, так что Сун Ицзэ остался без группы поддержки.

В итоге заведующий Лю тут же сдавал его и заставил изображать образцового ученика на встречах у школьных ворот. Так нелепо и прошёл весь его день.

Впрочем, отсутствие матери было даже к лучшему: заявись сюда Нин Си со своими воплями «Невестка! Невестка!», Сун Ицзэ сгорел бы со стыда.

Весь день Сун Ицзэ ходил сам не свой.

«Нин Си...»

«Как он там вообще?»

Тот неожиданно исчез на два дня. Перестал крутиться рядом, смеяться и приставать с глупостями, и без этого шума стало до странности пусто.

И всё же... он ведь врал ему. Притворялся хрупким и беспомощным, хотя на самом деле укладывал бойцов на ринге одной правой.

Он раскрыл его секрет. Нин Си обвёл его вокруг пальца.

Но как бы Сун Ицзэ ни пытался, он не мог, как раньше, отстранённо и холодно разложить всё по полочкам.

Наступил вечер. Дома было пусто.

Сун Ицзэ сам не понимал, что чувствует. По-хорошему, следовало разозлиться. Он и разозлился! Но злиться всерьёз почему-то не получалось.

Вдруг у Нин Си были свои причины? Какая-то тайна, о которой нельзя рассказывать?

Да и к тому же... Нин Си вчера получил травмы. Каким бы сильным он ни был, пропустить столько ударов — разве это может быть не больно?

«Но с какой стати я вообще пекусь о нём?»

«Я ведь ему даже не парень...»

В этот момент телефон Сун Ицзэ внезапно ожил.

Глянув на экран, он ощутил, как сердце пропустило удар.

[Нин Си]

Он хотел ответить. И одновременно не хотел.

Возможно, Сун Ицзэ и правда злился — обида всё ещё колом стояла в горле. Этот паршивец слишком быстро оправился, словно ему вообще плевать на то, что произошло между ними.

«Неужели нельзя было хоть немного помучиться, как я?!»

Грудь сдавило от глухого раздражения.

И всё-таки он нажал на кнопку ответа.

Ему хотелось услышать, что именно скажет Нин Си.

Однако из динамика донёлся вовсе не голос Нин Си. На заднем фоне ревела и гремела пьяная компания, а какой-то незнакомый парень орал прямо в микрофон:

— Бог Цзэ! Твоя женушка в соплях! Сука, он просто неудержим — вдул десять банок пива без остановки! Мы пытались его остановить, а он уже в дрова, на полу валяется! Приезжай живо и забери его домой!!

<http://bllate.org/book/20373/2299257>